УДК 141+329.11+329.12

Юрий Владимирович Василенко
кандидат философских наук,
старший научный сотрудник Пермского филиала
Учреждения Российской академии наук
Института философии и права
Уральского отделения РАН
г. Пермь
(242) 212-51-76 yuvasil@yandex.ru

ДОН ГАСПАР МЕЛЬЧОР ДЕ ХОВЕЛЬЯНОС КАК ОСНОВОПОЛОЖНИК ЛИБЕРАЛЬНОГО КОНСЕРВАТИЗМА В ИСПАНИИ

Рассмотрены три интерпретации политико-идеологического наследия Г.М. де Ховельяноса – либеральная, традиционалистская и либерально-консервативная, отражающие сложный и противоречивый характер становления либерального консерватизма в Испании конца XVIII – начала XIX в.

Политическая идеология, либерализм, традиционализм, либеральный консерватизм, Испания.

Основное политико-идеологическое противостояние генетического периода в развитии испанского консерватизма – между абсолютизмом (традиционализмом) и конституционализмом (либерализмом) – обусловливало изначальную слабость либерального консерватизма как самостоятельной политической идеологии, имеющей четкое политико-спектральное выражение. Как таковой либеральный консерватизм в Испании начал формироваться значительно позже названных идеологий, поскольку вплоть до 1870-х гг. являл собой лишь своеобразное и крайне неустойчивое сочетание их обеих, причем данное сочетание едва ли приводило к появлению новых, третьих смыслов и являлось по существу «механическим соединением» двух начал. Именно в этом контексте мы и должны рассматривать всех основоположников либерального консерватизма в Испании в целом.

Выдающийся испанский поэт, просветитель и реформатор Гаспар Мельчор де Ховельянос-и-Рамирес (1744–1811) – главная фигура, претендующая на этот статус в Испании конца XVIII – начала XIX в. Вместе с тем Ховельяноса называют и основоположником испанского Просвещения [7, p. 741-756; 20; 34; 36, p. 33-59], что заставляет нас относиться к консервативной интерпретации, при всей ее казалось бы обеспеченности ссылками на авторитетов, крайне осторожно и осмотрительно. Обращают на себя внимание и даты жизни

Ховельяноса: он умирает в самый разгар Войны за независимость в 67-летнем возрасте, и очевидно, что этот человек принадлежит по большей части к временам Старого порядка, политической эпохе, когда деление на либералов и консерваторов носило в лучшем случае характер философско-мировоззренческий, нежели политико-идеологический.

Суждения испанских авторов о политико-идеологической идентичности Ховельяноса, сторонников определенной политической идеологии, во всей полноте отражают противоречивость идей, взглядов и ценностей этого выдающегося для испанской истории персонажа. Большинство современных ученых, стремящихся к предельно объективному анализу исторических документов и работ Ховельяноса, утверждают, что он является представителем зарождающегося испанского либерализма. Консервативные идеологи, занятые сохранением собственной политической традиции, предпочитают делать упор на ту часть наследия Ховельяноса, которая, по их мнению, говорит о его принадлежности к лагерю консерваторов (традиционалистов или либеральных консерваторов). При этом речь не всегда идет о последних годах жизни Ховельяноса, что делает подход данных авторов к генезису консерватизма в Испании достаточно спорным или по крайней мере половинчатым. В итоге мы имеем в их трудах прежде всего политико-идеологическую интерпретацию, а уж затем стремление к объективному научному исследованию.

Различия в суждениях между учеными-либералами и идеологами-консерваторами определяются не только целями авторов и их профессионально-политической ориентацией, но и идейно-ценностной эволюцией Ховельяноса, который относится к той части испанских «офранцуженных» (либералов), которые в 1808 г. выступили с патриотических позиций и отказались от сотрудничества с французскими захватчиками [5]. При этом в последние годы жизни Ховельянос успел очень четко и недвусмысленно обосновать сделанный им политический выбор, посвятив этому целую книгу [11]. Определенным дополнением к позиции консерваторов являются труды, посвященные становлению испанского либерализма, в которых фигура Ховельяноса по существу обходится молчанием или упоминается лишь походя в связи с другими политическими деятелями. Уже это говорит о сомнениях в лагере испанских либералов относительно однозначной принадлежности Ховельяноса к их «партии» [29].

Существует в историографии вопроса и третья линия – это те жизнеописания Ховельяноса, которые вообще лишены каких-либо политико-идеологических оценок его деятельности и наследия [9].

Между тем общая библиография вопроса безгранична: еще в 1901 г. один из выдающихся испанских «ховельянистов» Х. Сомоса

де Монтсоруи насчитал в целом 461 работу, посвященную Ховельяносу. Одно их перечисление заняло почти три сотни страниц [39]. Библиография, составленная уже в наше время О. Моратиносом Отеро и В. Куэто Фернандесом, включает в себя 1758 работ только на испанском языке. Общее количество работ, написанных им лично без соавторов, насчитывает до 209 наименований, включая поэзию и драматургию [28].

Мы ограничимся лишь анализом аргументов в пользу той или иной позиции, поскольку это позволит нам раскрыть не только политико-идеологическую идентичность самого Ховельяноса, но и его интерпретаторов, показать специфику их подходов к формулировке собственной политико-идеологической традиции. В итоге появляется возможность проследить частично и процесс становления сразу трех политических идеологий в Испании – традиционализма, либерализма и либерального консерватизма, поскольку представители каждой из них стремились вписать творчество Ховельяноса в собственную традицию.

Тексты Ховельяноса в данном случае имеют для нас вторичное значение, поскольку по большей части это аналитические записки для служебного пользования, посвященные различным аспектам предлагаемых им реформ и преобразований в системе государственного управления Испании. Будучи изданными в виде брошюр, они получили широкий общественный резонанс и стали богатейшим источником по исторической эпохе. Тем не менее они не являются идеологическими трактатами в узком смысле этого слова, и сам Ховельянос в роли политического идеолога себя никогда не мыслил. Начнем с либеральных интерпретаций Ховельяноса, поскольку они позволяют в значительной степени представить всю палитру идей, взглядов и ценностей нашего персонажа, в то время как консервативные подобной описательной полнотой не обладают.

Ховельянос – либерал. Классическая интерпретация Ховельяноса как либерала была представлена выдающимся современным испанским историком-либералом Мигелем Артолой Гальего [32, p. 87-89] посредством сопоставления идей, взглядов и ценностей Ховельяноса с философией Просвещения XVIII в., ставшей заключительным этапом в генезисе либерализма как политической идеологии. Опираясь на работу испанского историка права Л. Санчеса Ахесты [35], эволюционировавшего от франкизма и национал-католицизма к либерализму [32, p. 563-564] и впервые в середине XX в. поднявшего эту тему в обозначенном нами ключе, М. Артола обнаруживает в трудах Ховельяноса огромное множество параллелей с британо-французским Просвещением.

Так, утверждает М. Артола, в качестве «фундаментального и простого элемента» в философии Ховельяноса выступает индивид

[4, p. 87]. Базовым принципом, инструментом, позволяющим полностью построить здание науки и общества, – разум [4, p. 87-88]. Целью является счастье: идентификация богатства и процветания со счастьем образует один из основополагающих концептов Просвещения, унаследованных в дальнейшем либерализмом [4, p. 89]. «Вера» Ховельяноса в естественный закон подтверждается, по мнению М. Артолы, тем, что фундаментальные элементы его доктрины – свобода и естественное равновесие [4, p. 89].

Значительную часть наследия Ховельяноса составляют работы, посвященные проблемам образования. Все они являются выражением его просветительских установок. При этом первостепенное внимание Ховельянос уделяет так называемым «полезным наукам» – концепту, который в этом [двадцатом – *Ю.В.*] веке, будет, по его мнению, главным [4, p. 91]. Одновременно образование освобождается от «схоластических методов», которые препятствуют рациональному развитию индивида [4, p. 91]. В итоге господствующая в средневековом образовании религия теряет свое первостепенное значение. Очевидна на этот тезис и негативная реакция традиционалистов. Вместе с тем необходимо отметить, что как реформист-практик Ховельянос работал в конкретных социально-исторических условиях, поэтому в своих практических предложениях он был менее радикален. Предлагая комплексную структуру системы образования, Ховельянос основывается на разделении «методических» наук, к которым он относит грамматику и алгебру, и наук «наставительных» (спекулятивную и практическую философию). При этом в спекулятивную, наряду с религией и этикой, он включает юриспруденцию, экономику и политику, а в практическую – математику, физику и другие «экспериментальные науки» [4, p. 92-93]. Религия, таким образом, лишь отодвигается на второй план. Католические убеждения Ховельяноса сомнению не подвергаются даже либералами.

Как пишет М. Артола, резюмируя множество текстов Ховельяноса, можно сформулировать следующую схему. Как политик он считает, что образование является основой для реформирования общества, к чему призывает просветительское мышление. Образование выявляет подлинные интересы индивида, общества и государства, а в соответствии с естественным законом знание необходимо приносит удовлетворение. Разум, наблюдение и опыт являются методами, которые продвинут исследования вперед. Человек, природа, история и Бог – это темы главные. Из набора методов и тем вытекает иерархия наук, а из нее – структура образования, которая опираясь на методику включает в себя два раздела – образование созерцательное и практическое в соответствии с темой (человек или природа), но кульминируют обе части в изучении религии [4, p. 94].

Фундаментальное значение для политико-идеологической идентификации идей, взглядов и ценностей Ховельяноса имеют и его

социально-политические работы, в частности критика средневекового сословного общества. Ховельянос не приемлет социальное неравенство, выражающееся в сословных привилегиях знати и Церкви, олицетворяющих собой Старый порядок. В своем «Докладе по делу об аграрном законе» (1794) [23], ставшем, по мнению М. Артолы, «возможно, самой влиятельной книгой в истории Испании» [4, p. 99], Ховельянос, кроме всего прочего, анализирует и экономические основы сословной организации испанского общества конца XVIII в – начала XIX в. Именно в этот момент британо-французское влияние на его идеи, взгляды и ценности ощущается с наибольшей остротой. М. Артола находит множество параллелей между Ховельяносом и Р. Кантильоном, А.Р.Ж. Тюрго и Э.Б. Кондильяком. Особое место в данном случае занимает «Богатство наций» А. Смита. Ховельянос, который, как утверждает Артола, начинает с заимствования доктрин физиократов, изменяет свои подходы, войдя в контакт с Адамом Смитом, и начинает придавать наибольше значение доктрине свободного обмена в собственной интерпретации, поскольку намерен применить ее к Испании несмотря на огромные различия между ней и Англией эпохи промышленной революции [4, p. 100].

Ховельянос выступает против господствовавшего на тот момент в Испании меркантилизма, разводящего, по его мнению, интересы индивида (по существу, зарождающейся буржуазии) и государства, отстаивающего интересы светской и духовной аристократии [4, p. 101-103]. Вторым объектом критики со стороны Ховельяноса становится цеховая структура испанской промышленности [4, p. 103-104]. Экономический либерализм Ховельяноса имеет свое продолжение в идеях о «свободной игре индивидуальных интересов», «облегчении доступа к собственности», «защите прав собственника» и «запрете на новые амортизации земель» [4, p. 106-109]. При этом появляется новый социальный тип – гражданин как «новый человек», экзальтированный до гиперболы, лишенный героический добродетелей знати и трансцендентных устремлений церковников, но являющийся продуктивным и толерантным, идеи, которые грядущий век будет ценить превыше остальных [4, p. 110].

Критика экономических основ испанского общества логично потребовала и критики юридических привилегий испанского правящего класса. Юридический принцип, предложенный Ховельяносом, по мнению М. Артолы, – суть тот же самый, который применяет к обществу и либерализм [4, p. 120]. Он включает в себя три основополагающих элемента: защиту частной собственности, свободу труда и коммерции, равенство перед законом [4, p. 120].

Четвертым элементом у Ховельяноса становится политическая свобода, занимающая центральное место в его анализе политических проблем, связанных со становлением конституционализма и разделением властей. В данном случае М. Артола усматривает

влияние таких европейских философов, как Г. Гроций, С. фон Пуфендорф, Х.Ф. фон Вольф, Дж. Локк и Э.Б. Кондильяк. До этого момента, считает М. Артола, в мышлении Ховельяноса видно совершенное согласие с либеральными доктринами. С этого же момента начинаются и расхождения, столь необходимые для построения образа Ховельяноса-традиционалиста [4, p. 126].

Моментом, разделившим Ховельяноса-либерала и Ховельяноса-консерватора, становится Великая французская революция. Современный выдающийся испанский либерально-консервативный историк К. Секо Серрано [32, p. 584-585], написавший одну из ключевых работ по истории испанского консерватизма, утверждает, что именно Ховельянос, «пережив ужасные впечатления от революционных ужасов» обезглавливание Луи XVI и волну террора, формулирует «третий выбор», или «новый путь», который располагается между крайностями (традиционализм и радикальный либерализм) и старается примирить идеалы прогресса с сохранением, насколько это возможно и необходимо, собственного прошлого [38, p. 20]. В будущем, продолжает К. Секо Серрано, роль «золотой середины», то есть либеральных партий, определяющих себя как «умеренные» или «консервативные», будет связана именно с этой позицией Ховельяноса [38, p. 20-21].

Таким образом, Ховельянос проделывает эволюцию, которая будет характерна для большинства либеральных консерваторов и не только в Испании [2; 26]. Развитие абстрактной доктрины в либеральном ключе наталкивается на жестокую реальность революционных изменений, в результате чего политический идеолог становится острожным и осмотрительным не только в своих высказываниях, но и в политических действиях, если таковые, конечно же, имеют место быть. Ховельянос, захвативший обе эпохи, столь радикально отличные друг от друга, выразил эту логику во всей полноте. В этом контексте примечателен и тот факт, что французская революция обернулась для Ховельяноса, сделавшего к этому времени отличную карьеру государственного чиновника, ссылкой в родную Астурию (1790–1801), где он, помимо наладки местной системы образования, занимался по большей части шахтами, дорогами и портами, нежели интеллектуально-аналитической работой на правительство. Написанный именно в это время «Доклад по делу об аграрном законе» остается на долгие годы невостребованным. Вернувшись на некоторое время в Мадрид и став по протекции М. Годоя министром по помилованиям и юстиции (1797–1798) [19, p. 75-76], Ховельянос пишет экспозицию королю о том, чем был Трибунал Инквизиции, и вновь отправляется в Астурию, а затем на Мальорку (1801–1808), обернувшуюся для него не только очередным местом ссылки, но и тюремным заключением в замке Бельвер. Участие Ховельяноса в Центральной хунте (сентябрь 1808 г. –

январь 1810 г.) – наиболее важный момент в карьере Ховельяноса-консерватора.

В частности М. Артола пишет о том, что в карьере Ховельяноса боролись две тенденции: консервативная, программа которой заключалась в восстановлении в стране Старого порядка, и обновленческая, решительно революционная. Ховельянос бесполезно метался между обеими, но даже его огромный престиж оказался недостаточным, чтобы сформировать собственную партию [4, p. 73]. Именно поэтому К. Секо Серрано, отмечая в Испании в целом большую эффективность либерально-консервативных, нежели склонных к революциям «экзальтированных либеральных» партий, начинает их анализ с деятельности не Ховельяноса, а его в идеологическом смысле последователя – Ф. Мартинеса де ла Роса [38, p. 30-40]. При этом не менее именитый современный испанский историк – либеральный консерватор, хотя и ассоциирующийся сегодня с неофранкизмом, – Р. де ла Сьерва-и-Осес [32, p. 189-190] еще в 1986 г. утверждал, что Ховельянос является подлинным основоположником современных правых в Испании [10, p. 58]. Именно с него нужно начинать историю либерального консерватизма в Испании, хотя в своем классическом труде «Неизлечимые правые (18081–1987): от заточения Ховельяноса до мученичества Фраги» Р. де ла Сьерва и посвящает Ховельяносу всего полторы страницы из 425 [10, p. 58-59].

Итак, с одной стороны, в 1808–1810 гг. либеральный консерватизм в Испании еще не сформировался, что вполне объяснимо; с другой, Ховельянос не является уже в этот период последовательным либералом.

Следуя принципу объективности, М. Артола пунктирно очерчивает основные линии в идеях, взглядах и ценностях «Ховельяноса-традиционалиста» [4, p. 126-138]. К мыслителям, оказавшим существенное влияние на становление в Испании «реакционного мышления», причисляет Ховельяноса и либеральный историк Х. Эрреро [32, p. 325], указывая на его борьбу с «философскими сектами» [21, p. 139-141]. Однако в работах испанских консерваторов консервативные линии в идеях, взглядах и ценностях Ховельяноса очерчены более рельефно и снабжены более широким рядом аргументов.

Ховельянос – традиционалист. Тот факт, что испанские традиционалисты оказались первыми, кто обратил внимание на фигуру Ховельяноса с точки зрения становления собственной политико-идеологической традиции, является одновременно и парадоксальным, и закономерным. Парадоксальным, потому что в начале XIX в. традиционалисты были главными гонителями Ховельяноса, до основания разрушившими его карьеру государственного чиновника. Закономерным, потому что к середине XIX в. те же традиционалисты оказались на общем фоне наиболее зрелыми и подготовленны-

ми деятелями для того, чтобы озаботиться идейно-ценностной «генеалогией» собственной политической идеологии в контексте уже не Старого, а Нового порядка.

Инициатива в традиционалистской разработке образа Ховельяноса принадлежит Кандидо Носедалю-и-Родригесу де ла Флор, который в 1858-1858 гг. выпускает двухтомное собрание сочинений Ховельяноса, часть которых издавалась впервые, предвосхищая его вводной статьей собственного сочинения [30, p. V-XXV]. В 1865 г. К. Носедаль посвящает Ховельяносу уже целую монографию – «Жизнь Ховельяноса» [31], вызвавшую среди традиционалистов целую серию исследований на ту же тему [например, 37].

К. Носедаль сосредоточивает свое внимание на критике либеральной концепции материального – экономического прогресса, который в мышлении современной цивилизации видится как главный источник счастья. В этом контексте главную заповедь Ховельяноса К. Носедаль трактует как стремление дополнить «материальный прогресс» «прогрессом моральным», без которого первое лишено всякого смысла, а второе выше первого [30, p. VI]. Все империи, по словам К. Носедаля, были богатыми накануне своего падения, и несмотря на это рассыпались иногда от одного удара [30, p. VII]. Бегло проанализировав модернизирующуюся Испанию, К. Носедаль утверждает, что при всех ее успехах «направление подлинного прогресса» должно быть иным, потому что мы стремимся к свободе, а получаем самую жестокую тиранию; мы жаждем просвещения, а получаем фривольное образование, убиваем подлинную науку и отвергаем прекрасную литературу; мы провозглашаем триумф разума, но оказываемся несчастными жертвами материализма и сомнений; нас называют детьми прогресса, а мы находимся в упадке [30, p. XII]. С наибольшей очевидностью негативные последствия материального прогресса проявились, по мнению К. Носедаля, в американских колониях, где испанцы отошли от своей первоначальной религиозно-цивилизаторской миссии и увлеклись торговлей, «материя оказалась выше духа». Между тем еврейский народ, напоминает К. Носедаль, в свое время был наказан именно за почитание «золотого тельца» [30, p. XII].

Решение проблем, отраженных в наследии Ховельяноса, К. Носедаль видит в выражении всего одной фразой: «Добродетель является основой не только счастья человека, но и благополучия государств» [30, p. XIII]. Дальше К. Носедаль, упомянув о разложении Франции со времен Луи XIV, с опорой на Ховельяноса громит фундаментальные установки французского Просвещения: «завоевания свободного мышления» [30, p. XIV], «героическое лекарство демократии» [30, p. XIV-XV], «друзья народа и бедных» [30, p. XV]. Превознося Ховельяноса-экономиста, К. Носедаль подробно пересказывает его «Доклад по делу об аграрном законе», указывая на ошибоч-

ность суждений относительно амортизации церковных земель [30, p. XVI-XXIV]. Однако основная задача К. Носедаля – защита Ховельяноса. Поэтому общий итог его реформаторской деятельности крайне положительный: Бог никогда не посылал Испании реформатороа более искреннего и острожного, чем Ховельянос» [30, p. XXIV]. Причина тому проста: вся его жизнь направлялась Божественным Провидением и способствовала (со ссылкой на Ховельяноса) «сохранению и умножению рода человеческого» [30, p. XXV].

Мы видим, что в рассуждениях К. Носедаля Ховельянос вольно или невольно оказывается на втором плане, уступая место политико-идеологической доктрине самого интерпретатора. Это объясняется тем, что Ховельянос для К. Носедаля – в известном смысле «инструмент», повод поговорить об актуальных проблемах современной Испании. Задача Ховельяноса в этом контексте – лишь освятить своим авторитетом тезисы идеолога традиционализма. Между тем именно К. Носедаль закладывает основы традиционалистской интерпретации Ховельяноса, которая получает свое развитие в трудах других выдающихся испанских традиционалистов второй половины XIX в.

Марселино Менендес-и-Пелайо [32, p. 403-406], прозванный в Испании «изобретателем традиции», в своем многотомном труде «Испанские инакомыслящие» (1880) посвятил Ховельяносу относительно небольшой отрывок, назвав его «Оправдание Ховельяноса» [27]. Присоединившись к интерпретации К. Носедаля, М. Менендес-и-Пелайо называет Ховельяноса «без сомнения, самым славным именем прошедшего века», а его политическую систему – «эклектичной и переходной, но далекой от того, чтобы мы посчитали ее инакомыслящей» [27]. Подобные суждения традиционалиста о либеральном консерваторе требуют серьезных аргументов.

По мнению М. Менендеса-и-Пелайо, Ховельянос отдал должное идеям своего века, однако идей в его веке было много, различных и даже противоречивых, и Ховельянос не принял нерелигиозных, хотя принял много экономических с очень скользкими последствиями [27]. Причина тому – его близкая дружба с Ф. де Кабаррусом и севильским просветителем П. де Олавиде. Но даже здесь Ховельянос признавал, что Церковь обладает своей собственностью справедливо и легитимно, призывал держать совет и разбираться в проблеме, подчеркивал значимость начальства и авторитета, говорил о благородном самопожертвовании. В этом контексте М. Менендес-и-Пелайо лишь удивляется, как Ховельянос не понял того, что запрет на амортизацию земель есть не что иное, как попрание прав собственности. Поэтому из сферы действия общих для всех законов он исключал именно религиозные конгрегации. Помимо этой тяжелой, но не догматической ошибки и нескольких заявлений, которые М. Менендес-и-Пелайо оценивает как «чистую фразеологию

и плохую риторику того времени», он не видит ничего, что бы помешало назвать Ховельяноса «ортодоксом» [27].

Главным «нелегким грехом» Ховельяноса М. Менендес-и-Пелайо считает то, что он был экономистом. Но даже отсюда очень далеко до неверующего и революционера, поскольку при всех его заблуждениях Ховельянос никогда не настаивал на таких «вульгарностях», как отрицание «правящего испанизма» и «ультрамонтанских максим», чтение французских и янсенистских книг и нежелание изучать схоластику [27].

Ховельянос – не философ, однако, как утверждает М. Менендес-и-Пелайо, мы вполне можем реконструировать его взгляды на основополагающие проблемы, которые в те времена называлось идеологией [27]. «Реконструкция идеологии» – для нашего анализа фраза ключевая. Отмечая влияние Дж. Локка, Э.Б. Кондильяка и Х.Ф. фон Вольфа, М. Менендес-и-Пелайо заключает, что более чем сенсуалистом, Ховельянос является жестким традиционалистом подобно всем хорошим католикам, которые попадались на удочку сенсуалистов [27]. Отсюда, по мнению М. Менендеса-и-Пелайо, вполне можно понять его нелюбовь к «чисто онтологическим размышлениям» и «неверие в силы разума и мощь метафизики» [27].

В качестве аргументов М. Менендес-и-Пелайо приводит несколько фраз Ховельяноса, подтверждающих его ортодоксальность: «жестокие и богохульные люди, которые подобно титанам восстали против небес» (об энциклопедистах); «жестокие ритуалы, гнусная мораль и преходящая слава», «секта дурных людей, запятнавших имя философии, коррумпировавших разум и обычаи, обесчестившие и разъединившие Францию» (о французских революционерах); «безудержная» (о свободе печати); «политическая ересь» (идея о суверенитете нации); «a priori абстрактная химера», которые пишутся в течение несколько дней, содержат несколько листов и действуют несколько дней (о будущей Конституции 1812 г., до принятия которой Ховельянос не дожил) [27]. Очевидно, что М. Менендес-и-Пелайо делает акцент на поздних, но исключительно публичных высказываниях Ховельяноса. Непубличным, заимствованным из переписки, он посвящает отдельно два огромных абзаца, из которых мы видим, что Ховельянос в выражениях уже не стесняется. При этом, подчеркивает М. Менендес-и-Пелайо, «безбожник Ховельянос» в 1805 г. исповедовался каждые пятнадцать дней и молился в канонические часы с рвением монаха [27].

Несоответствие между имиджем Ховельяноса как либерала и его реальным мировоззрением было, по мнению М. Менендеса-и-Пелайо, очень удачно использовано его врагами. Между тем Инквизиция занялась Ховельяносом уже в 1795 г. Обеспокоенность Ховельяноса этим обстоятельством очень четко прочитывается в его дневниках, где он приводит множество примеров собственной бла-

гонадежности. И тот факт, что в 1801 г. по Астурии ходило испанское издание «Общественного договора» с хвалебными заметками в адрес Ховельяноса, еще ничего не означает, тем более что он сам обещал изъять все экземпляры, которые сможет обнаружить. М. Менендес-и-Пелайо упорно доказывает, что во всем виновата «ужасная министерская тирания», произвол и притеснения, редко когда практиковавшиеся в Испании так сильно, как в это время [27].

М. Менендес-и-Пелайо награждает Ховельяноса множеством исключительных эпитетов: «героическая и прекрасная душа», «справедливый и целостный человек», «великий государственный деятель, не имеющий корыстного интереса», «мученик за справедливость и родину», «великий оратор, чье красноречие достойно Древнего Рима», «великий сатирик, которому позавидовал бы Ювенал» и т.д. [27]. Вне зависимости от степени преувеличения в таких оценках, все это как минимум объясняет интерес к фигуре Ховельяноса со стороны различных политических партий и идеологий, стремящихся заполучить его в свои ряды. Для испанского консерватизма в целом, постоянно страдающего от так называемой «черной легенды» [1, с. 40-58; 24; 40], подобная фигура – истинный клад, поскольку очень ярко демонстрирует высокие и гуманистические устремления этой идеологии.

Отсюда проистекают и заключительные оценки М. Менендеса-и-Пелайо: Ховельянос не разрушал социальную реальность, он лишь стремился улучшать нравы, определяющие ее состояние; он был против революции, хотя и видел многие древние институты гниющими, поэтому и не сожалел о «дегенеративных классах». Таким был Ховельянос – жестким моралистом, католическим философом, не верил (и даже излишне) в силы разума, традиционалистом в философии, умеренным и честнейшим реформатором, который подчинял принципы и опыт исторической школы высшему закону вечной справедливости; возможно, слишком поэтом в делах политэкономии [27]. Примечательно, что М. Менендес-и-Пелайо практически не включает в итоговую оценку воззрения Ховельяноса-экономиста. Этот элемент в идеологию традиционализма на тот момент не вписывался никак, хотя именно в этом элементе Ховельянос выступает как наиболее последовательный либерал.

Ховельянос – либеральный консерватор. Либерально-консервативная интерпретация Ховельяноса напрашивается по мере анализа двух предыдущих крайностей – либеральной и традиционалистской. В наиболее полном виде она представлена основоположником современного испанского либерального консерватизма, выдающимся теоретиком и общественно-политическом деятелем Мануэлем Фрагой Ирибарне [6, p. 47-58; 8; 15; 18; 22; 41] в его концептуально-теоретической книге, посвященной испанскому консервативному мышлению и написанной, как представляется, по аналогии с «Кон-

сервативным мышлением: от Бёрка до Элиота» американского традиционалиста-англофила Р. Керка [25]. Хотя, в действительности речь идет лишь об интеллектуальной «генеалогии» либерального консерватизма в Испании и позиционировании в этом контексте самого М. Фраги.

С точки зрения М. Фраги, Ховельянос является для Испании первым политическим деятелем, который на уровне Бёрка поставил очень сложную проблему: лучше приспосабливать, чем разрушать; восстанавливать, чем копировать; реформировать, чтобы сохранить [12, p. 12]. Достаточно концентрированное выражение генеральной политико-идеологической логики современного либерального консерватизма в Испании, который выстраивается главным его идеологом (М. Фрага – известный англофил) в соответствии с британским аналогом, являющимся, по словам М. Фраги, «комбинацией консерватизма и реформизма» [12, p. 27]. Необходимо отметить, что в научной литературе параллели между Ховельяносом и Бёрком не так уж редки: например, испанский историк Х. Варела называет обоих «либералами Старого порядка» [41, p. 90].

М. Фрага определяет позицию Ховельяноса как «серединную» между «двумя идеями Испании»: с одной стороны, Испания традиционная, реакционная, изоляционистская, сопротивляющаяся культурным и экономическим изменениям; с другой, Испания прогрессистская, неукоренившаяся, инакомыслящая, европеистская, сторонница кардинальных изменений. В этом контексте, утверждает М. Фрага, опыт Ховельяноса как «подлинного реформиста», стремящегося к гармонии, представляется крайне актуальным, поскольку противостояние «двух Испаний» завершено не было [12, p. 18-19].

Примечательно, что М. Фрага отказывается признавать в фигуре Ховельяноса какие-либо противоречия, на чем настаивают либеральные интерпретаторы, и видит в его деятельности и мышлении «редкий континуитет и когерентность» [12, p. 20]. Идею М. Фраги понять не сложно: благодаря этому идеология либерального консерватизма перестает быть «механическим совмещением» двух крайностей и приобретает необходимую ей как особой политической идеологии целостность, реальность которой, в свою очередь, необходимо аргументировать.

По мнению М. Фраги, этого возможно добиться следующим образом. Первый «ключ» заключается в том, что обе крайности должны быть отвергнуты и одновременно приняты. Данная «жизненная диалектика» Ховельяноса скрепляется его «глубоким и решительным патриотизмом», «любовью ко всему испанскому», но любовью «без слепоты и шовинизма», которая превращается в требовательность, необходимую для реформирования институтов [12, p. 20]. Отсюда интересы Испании оказываются выше частных интересов отдельных политических субъектов, а реформистские уст-

ремления Ховельяноса не могут являться предательством Старого порядка, тем более что предлагаемые им реформы были «жизненными и осторожными», с упором на образование и просвещение. Предателями в этом смысле скорее всего были Карлос IV и М. Годой, которые не смогли предотвратить катастрофу и революцию [12, p. 21-22].

М. Фрага рисует добродетельный образ Ховельяноса, неоднократно подчеркивая не только его патриотизм, но и умение дружить, глубокую религиозность, огромное трудолюбие, открытый и мягкий, хотя и решительный характер. Отдельного внимания заслуживает отношение Ховельяноса к малой Родине – Астурии [12, p. 22-24]. Очевидно, что для М. Фраги, половину своей жизни посвятившего Галисии, где он был председателем местной Хунты, а сейчас представляет ее интересы в Сенате, эти мотивы в Ховельяносе особенно близки и понятны. Не менее важен для Фраги и связанный с этикой модус политического действия: Ховельянос был абсолютно уверен, что для того, чтобы улучшить Испанию, ее нужно уметь убеждать [12, p. 24]. Убеждение М. Фрага противопоставляет насилию, столь обычному в политической истории Испании, а лучший инструмент убеждения – это образование, благодаря которому можно улучшить не только нравы, но и жизнь в целом. Главная же наука – это экономика, которая для М. Фраги может быть только либеральной [12, p. 25-26]. Главное, чтобы все это делалось прогрессивно, циклично, а не революционными способами [12, p. 26].

История, утверждает М. Фрага, подтверждала правоту Ховельяноса неоднократно. Прежде всего она проявилась в работе Центральной Хунты и Кадисских кортесов. Обе институции не прислушались к рекомендациям Ховельяноса, и если они в итоге потерпели поражение, то это не вина Ховельяноса, который утверждал реформу с опорой на традицию и континуитет на английский манер, а не революционный прыжок в пустоту во французском духе [12, p. 31-32]. В данном случае М. Фрага не столько анализирует проект конституционной реформы, предложенный Ховельяносом в переписке с английскими друзьями-либералами [12, p. 32-34], сколько в очередной раз излагает собственное видение испанской Конституции 1978 г., чему он до этого уже посвятил несколько отдельных работ [13; 14]. Проблема заключалась в том, что испанские социал-демократы во главе с Ф. Гонсалесом неоднократно обвиняли М. Фрагу, получившего имидж «врага № 1» для главного реформатора эпохи демократического транзита А. Суареса [17, p. 337-340], в антиконституционных намерениях. Между тем, напоминает М. Фрага, даже Ховельянос, будучи глубоким либералом, не принял полную свободу печати [12, p. 34], потому что был предшественником «посибиллистского реформизма» и «критиком радикализма» [12, p. 36]. В этом заключен основной смысл его политико-идеологического наследия, которое,

по мысли М. Фраги, должно быть положено в основу консервативного мышления конца XX в. [12, p. 235-254].

Подобно либеральным и традиционалистским интерпретаторам, М. Фрага актуализирует наследие Ховельяноса в собственном политико-идеологическом (либерально-консервативном) ключе, смысл которого заключается в предельно органичном, а не механическом «совмещении» Ховельяноса-либерала и Ховельяноса-традиционалиста или, по словам Х.Ф. Аседо Кастилья, современности и традиции [3].

Таким образом, в борьбу за Ховельяноса в разное время, в различном порядке, но по одной и той же причине – создание собственной политико-идеологической традиции – включились представители сразу трех политических идеологий. Причем первыми данной проблемой обеспокоились традиционалисты (к середине XIX в.), через столетие – либералы (к середине XX в.) и только затем современные либеральные консерваторы (конец XX в.). Это полностью соответствует порядку становления данных политических идеологий в Испании и тезису об изначальной слабости либерализма, в частности в этой стране.

Мы видим, что для всех политических идеологий важно не только наличие идеологов и «канонических текстов», но и их определенная интерпретация, полновесная формулировка с соответствующей аргументацией и историческими выкладками. При этом один и тот же материал может использоваться и интерпретироваться принципиально различным образом. В то время как консерваторы делают упор на культурно-цивилизационные аспекты во взглядах, идеях и ценностях Ховельяноса (для традиционалистов это прежде всего религиозность; для либеральных консерваторов – национализм); либералы, наоборот, отмечают значимость и первостепенность политико-институциональных аспектов в политической деятельности Ховельяноса. Но если для либералов на первом месте стоит ее идейно-ценностное соответствие либерально-революционной философии Просвещения, то либеральные консерваторы, наоборот, всячески подчеркивая огромное значение предложенных Ховельяносом реформ в сфере образования, делают упор на их умеренность и осторожность, на преемственность и континуитет в преобразованиях вообще. Все это позволяет либеральным консерваторам не только избежать обеих крайностей, но и совместить их в единую политико-идеологическую доктрину, которая обладает определенной гибкостью и предоставляет им «оперативный простор» при выборе той или иной тактики в конкретной политической борьбе.

В итоге, с нашей точки зрения, Ховельянос является представителем зарождающегося либерального консерватизма, поскольку в логику этой традиции он укладывается более всего. И только противоречивая природа либерального консерватизма, взятого, тем более, на самом раннем этапе своего развития, позволяет Ховельяносу

быть интерпретированным столь различными способами и утратить, казалось бы, вообще какую-либо конкретную политико-идеологическую идентичность. Ховельянос, будучи по натуре своей дисциплинированным государственным чиновником с гипертрофированным чувством долга, вполне мог бы вписаться в политический режим просвещенного абсолютизма, восстановленный в Испании после окончания Войны за независимость, если бы этот режим вновь призвал его «на службу Испании». Именно так, в конечном счете, и поступили все «разочаровавшиеся либералы», постепенно возвратившиеся в Испанию из изгнания, куда их отправила послевоенная реакция. Классический пример в этом смысле – Ф. Мартинес де ла Роса [33], испанский либеральный консерватор «номер два», исходивший из того, что могут изменяться политические институты государства, может изменяться форма правления, однако служение родине всегда будет большим достоинством [33, p. 356]. В этом, на наш взгляд, заключается и актуальность идейно-ценностного наследия Ховельяноса для сегодняшнего дня.

Необходимо также иметь в виду и масштабы личности самого Ховельяноса. Будучи выдающимся общественно-политическим деятелем, жившим в переходный период, он легко выходит за узкие рамки своей эпохи. Попытка уложить его в какое-либо «прокрустово ложе» будет неизбежно сопровождаться «сокращением» той или иной части его обширнейшего наследия, принципиально обедняя образ выдающегося испанского поэта, просветителя и реформатора.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Гарсиа Ольмо М.А.* Легенда, которая никогда не умрет // Проблемы испанской идентичности в контексте глобализации. Екатеринбург-Пермь: УрО РАН, 2007. 249 с.

2. *Кристол И.* Признания подлинного, возможно, единственного неоконсерватора, считающего себя таковым // США: консервативная волна. М.: Прогресс, 1984. 309 с.

3. *Acedo Castilla J.F.* Modernidad y tradicion en Jovellanos // Razon Espanola, 2001. №109. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.galeon.com/razonespanola/r109-mod.htm (проверено 12.04.2010 г.).

4. *Artola M.* Gaspar Melchor de Jovellanos // Artola M. Vidas en tiempo de crisis. Madrid: Real Academia de la Historia, 1999. 360 p.

5. *Artola M.* Los afrancesados. Madrid: Sociedad de Estudios y Publicaciones, 1953. 335 p.

6. *Aznar J.M.* Retratos y perfiles. De Fraga a Bush. Barcelona: Editorial Planeta, S.A., 2005. 400 p.

7. *Bareno y Arroyo F.* Ideas pedagogicas de Jovellanos. Gijon: Imp. La Fe, 1910. 86 p.

8. *Beotas E.* Manuel Fraga. Cuaderno de notas de una vida. Nombres, lugares, valores, conceptos, instituciones destinos y frases. Madrid: Editorial EDAF, S.L., 2007. 343 p.

9. *Caso Gonzales J.M.* Jovellanos. Barcelona: Editorial Ariel, S.A., 2002. 285 p.

10. *Cierva R. de la.* La derecha sin remedio (1801-1987): de la prision de Jovellanos al martirio de Fraga. Barcelona: Plaza&Janes Editores, S.A., 1987. 427 p.

11. D. Gaspar de Jovellanos a sus compatriotas: Memoria en que se rebaten las calumnias divulgadas contra los individuos de la Junta Central y se da razon de la conducta y opiniones del autor desde que recobro su libertad [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
http://www.cervantesvirtual.com/servlet/SirveObras/12048065338088290754624/index.htm (проверено 10.04.2010 г.).

12. *Fraga Iribarne M.* El pensamiento conservador espanol. Barcelona: Editorial Planeta, S.A., 1981. – 464 p.

13. *Fraga Iribarne M.* Despues de la Consticucion y hacia los anos 80. Barcelona: Editorial Planeta, S.A., 1979. 237 p.

14. *Fraga Iribarne M.* La Constitucion y otras cuestiones fundamentales. Barcelona: Editorial Planeta, S.A., 1978. 183 p.

15. *Fraga Iribarne M.* Un canon giratorio. Conversaciones con Eduardo Chamorro. Barcelona: Circulo de Lectores, S.A., 1982. 207 p.

16. *Galino Carillo A.* Gaspar Melchor de Jovellanos (1744-1811) // Prospects: the quarterly review of comparative education. 1993. V. XXIII. №3/4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
http://www.ibe.unesco.org/publications/ThinkersPdf/jovellae.PDF (проверено 10.04.2010 г.).

17. *Garcia Abad J.* Adolfo Suarez. Una tragedia griega. Madrid: La Esfera de los Libros, S.L., 2005. 444 p.

18. *Gilmour J.* Manuel Fraga Iribarne and the Rebirth of Spanish Conservatism, 1939–1990. Lewiston, Queenston, Lampeter: The Edwin Mellen Press, Ltd, 1999. 345 p.

19. *Gonzalez Santos L.* Godoy. Madrid: Silex, 1994. 224 p.

20. *Gracia Noriega J.I.* Jovellanos, espejo de ilustrados [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ignaciogracianoriega.net/2005/20050820.htm (проверено 10.04.2010 г.).

21. *Herrero J.* Los origenes del pensamiento reaccionario espanol. Madrid: Editorial Cuadernos para el Dialogo, S.A., 1973. 411 p.

22. *Jauregui F.* Cinco horas y toda una vida con Fraga. La historia de un fracaso admirable. Madrid: Espejo de Tinta, S.L., 2004. 301 p.

23. *Jovellanos G.M. de.* Informe sobre la Ley Agraria [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
http://www.cervantesvirtual.com/servlet/SirveObras/12926186438926051876657/index.htm (проверено 10.04.2010 г.).

24. *Juderias J.* La leyenda negra. Madrid: Ediciones Atlas; Martinez Libros, S.L., 2007. 429 p.

25. *Kirk R.* The Conservative Mind: From Burk to Eliot. Chicago: Henry Regnery Company, 1953. 458 p.

26. *Kristol I.* Neoconservatism: the Autobiography of an Idea. Selected Essays. 1949–1995. N.-Y.: The Free Press, 1995. 493 p.

27. *Menendez y Pelayo M.* Vindicacion de Jovellanos // Menendez y Pelayo M. Historia de los heterodoxos espanoles [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cervantesvirtual.com/servlet/SirveObras/01361608688915504422802/p0000025.htm (проверено 10.04.2010 г.).

28. *Moratinos Otero O., Cueto Fernandez V.* Bibliografia Jovellanista. Gijon: Foro Jovellanos, 1998. 282 p.

29. *Moreno Luzon J (ed).* Progresistas. Biografias de reformistas espanoles (1808–1939). Madrid: Santillana Ediciones Generales, S.L., 2006. 479 p.

30. *Nocedal C.* Discurso preliminar // Obras publicadas e ineditas de D. Gaspar Melchor de Jovellanos. Madrid: M. Rivadeneyra, Impresor-editor, 1859. V. II. 548 p.

31. *Nocedal C.* Vida de Jovellanos. Madrid: M. Rivadeneyra, 1865. 269 p.

32. *Pasamar Alzuria G., Peiro Martin I.* Historiadores espanoles contemporaneos (1840-1980). Madrid: Ediciones Akal, S.A., 2002. 699 p.

33. *Perez de la Blanca Sales P.* Martinez de la Rosa y sus tiempos. Barcelona: Editorial Ariel, S.A., 2005. 495 p.
34. *Polt J.H.R.* Gaspar Melchor de Jovellanos. N.-Y.: Twayne Publishers, 1971. 163 p.
35. *Sanchez Agesta L.* El pensamiento politico del Despotismo Ilustrado. Madrid: Instituto de Estudios Politicos, 1953. 317 p.
36. *Sanchez Espinosa G.* Gaspar Melchor de Jovellanos. Un paradigma de lectura ilustrada // El Libro Ilustrado. Jovellanos, lector y educador. Madrid: Real Academia de Bellas Artes de San Fernando, Calcografia Nacional, 1994. 93 p.
37. *Sanchez Lopez M.* Examen teologico-critico de la obra del Excmo. senor D. Candido Nocedal titulada "Vida de Jovellanos". Madrid: Enrique de la Riva, 1881. 170 p.
38. *Seco Serrano C.* Historia del conservadurismo espanol. Una linea politica integradora en el siglo XIX. Madrid: Ediciones Temas de Hoy, S.A. (T.H.), 2000. 343 p.
39. *Somoza de Montsorui J.* Inventario de un jovellanista con variada y copiosa noticia de impresos y manuscritos, publicaciones periodicas, traducciones, dedicatorias, epigrafia, grabado, escultura, etc. Madrid: Sucesores de Rivadeneyra, 1901. 294 p.
40. *Vaca de Osma J.A.* El imperio y la legenda negra. Madrid: Ediciones Rialp, S.A., 2004. 239 p.
41. *Velarde Fuentes J.* Fraga o El intellectual y la politica. Barcelona: Editorial Planeta, S.A., 2001. 236 p.

RESUME

Yuri Vladimirovich Vasilenko, Candidate of Philosophy, senior researcher, Perm Division, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences. Perm, (342) 212-51-76 yuvasil@yandex.ru

Don Gaspar Melchor de Jovellanos: Looking for the Political-Ideological Identity

The author analyzes three interpretations on G.M. de Jovellanos' political-ideological heritage – liberal, traditionalist and liberal-conservative ones, – which reflected the complicated and contradictory character of the genesis of Spanish liberal conservatism in the end of XVIII – the beginning of XIX centuries.

Political ideology, liberalism, traditionalism, liberal conservatism, Spain

Материал предоставлен в редколлегию 27.04.2010 г.